

● Мечтания ● Реальности ● Заповеди ● Крамолы

Лица

Виктор ГАЛАНТЕР

Вольному — воля

— Вы только что вернулись из Америки. Как вам родные пенаты?

— Все нормально. Ну, конечно, все в три раза дороже — ужасное ощущение.

— То есть экономика не в порядке, а в остальном нормально?

— То что экономика не в порядке — тоже нормально. Как может быть по-другому в этой стране?

— Если я вас верно понял, нынешний катаклизм не частный случай...

— ...а закономерность. Если вы возьмете эту страну, эту ментальность, эту культуру... Я вообще удивляюсь, что все не рухнуло раньше. Хотя страна такая большая и богатая, что все рухнуть не может. Столько тут всего есть, что еще хватит лет на пятьдесят.

— Вы оптимист!

— Я реалист.

— Понимаю ваши слова так, что нам исторически предопределено жить вот так...

— Что значит «так»? Это нормально — для России. Возьмите и отсчитайте сто пятьдесят лет назад от сегодняшнего дня. То есть ничтожный отрезок времени в историческом плане. Ваш или мой прапрадедушка. Можно было купить-продать человека! Своего единоплеменника! Такого же белокожего, как ты. Это же в Европе кончилось в одиннадцатом веке! Я понимаю, в Америке были негры. Не единоплеменники — везли их из Африки. Кстати говоря, эти рабы не облагались государственным налогом, не служили в армии. А у нас крепостной человек служил двадцать пять лет. И облагался податями. Поэтому, когда вы говорите «вот так», имея в виду — негативно, не как у других... так у нас никогда не было как у других!

— Другая генетика?

— Другая культура! В большинстве своем русская нация никогда не принимала участия в строительстве государства. Люди, которых освободили от крепостного права, многие из них были несчастны и недовольны этим обстоятельством. Фирс же говорит в «Вишневом саде»: все беды начались, когда волю дали. Если мы примем во внимание этот факт, то увидим, что русский крестьянин к Москве, например, относится как при Борисе Годунове: ори! ори! Слава нового царя! На кого ты, батюшка, нас покидаешь?.. Классовое общество у нас есть, но нет рабочих. Если бы работали в Швейцарии месяц не платили зарплату, то все бы тут же остановилось. А у нас не платят год! И люди ходят на работу. Они не хорошие и не плохие, они такие.

— Ничего хорошего, по-вашему, ждать не приходится?

— (Возмущенно) Почему «хорошего»? Все вы, газетчики, вообще болшинство людей, думаете, что «хорошее» — это когда как в Швейцарии или как в Швеции? А почему не может быть «хорошее», как в Китае? Или как в Бангладеш? Бразилия вот тоже неплохая страна. Там что же: все плохо?

— Я, видимо, использую поверхностную терминологию?

— Вы используете общепринятую терминологию. Демократия принесет плоды просвещения, и все станет как у них! Подразумеваем, на Западе. А почему не «у них» в Сингапуре? Почему мы думаем: как у них в Швеции? Да потому что мы — белые. Если б были какие-нибудь коричневые или зеленые в крапинку, то думали бы, «как у них в Индии». Или в Пакистане. Надо туда смотреть. Думать: можем ли мы как они? (Смеется.) Неожиданно, да?

— Да.

— Ну, надо к этому привыкать!

— А лично вы хотели бы: как «там» или как «там»? Это я намекаю на вашу известную «прозападническую» репутацию.

— Хотеть надо то, что можешь.

— А если помечтать?

— Мечтать можно опять о том же, что возможно. Ленин и Маркс мечтали о том, что невозможно. А вот Плеханов Ленину сказал: русская история еще не смолела той муки, из которой можно выпечь пирог социализма.

— Позволю себе еще раз воспользоваться вульгарными терминами: непосредственно вам, Андрей Сергеевич, «там» лучше или хуже?

— Лично мне там — лучше. Удоб-

нее. Понимаете? Не надо обходить шесть кабинетов, чтобы всем давать взятки, дабы получить одну бумажку. Удобно с точки зрения прагматической жизни. Но Китай или Индия — великие тысячелетние культуры, и никакой «Макдоналдс» их не изменит. Они будут носить джинсы, но все равно будут китайцы или индусы. У них будут свои обязанности по отношению к семье, к богу, к другу, к государству. А у нас — свои.

— А духовно — чувствуете себя там комфортно?

— Ну все равно же я русский. Поэ-

стране нет. Интеллигенция возникла при рабовладельческом строе. Она была прослойкой между рабами и их хозяевами. Разночинцы! Те, кого освободили от рабства, но они ощущали в себе это рабство. Пытались разрушить общество и говорили: мы в долгу перед народом. Это ощущение вины перед народом, как будто «владельцы» — это не народ. Шереметев тоже был народ!

— А как у вас насчет чувства вины перед народом?

— С какой стати? Я сам народ. У меня вот Чиркунов даже говорит в

Крупнейший ум. Но он ошибался. Как многие. Как вы ошибаетесь в частности. Потому что вы либерал. Когда думаете, что политика в состоянии изменить культуру.

— Я думаю, что и вы либерал.

— Я не либерал. Я культурологический детерминист.

— Это как?

— Я считаю, что культуру нельзя изменить. Мао Цзэдун пытался. Даже культурную революцию делал, хотел отрубить голову гидре контрреволюции. К чему я это говорю? Культура — это великая экологическая структура.

очень уважаю Ковалева или Сахарова. Это великие люди. Донкихоты. Они необходимы. Но национальная ментальность! Стояли шесть диссидентов на Красной площади, а народ... ходил мимо.

— Вы не судья, вы констататор?

— А чего судить? Надо понимать, что ты можешь, а что нет. Вот экология чем сильна? Тем, что пытается не изменить природу, а используя законы природы, воздействовать на нее. А мы норвием то осушить болота, то реки повернуть вспять... Вы знаете, что если бы мы повернули Енисей

Частный уровень

— Чем вы заняты в Америке?

— В Америке я сейчас ничем не занят. Может быть, буду снимать с американскими артистами картину по роману Андре Мальро. Подготовил еще несколько сценариев. «Щелкунчик» для детей. Но здесь не получилось — банк лопнул, который давал деньги.

— Творчество для вас — субстанция романтическая или, скорее, работа?

— Творчество — это вообще работа. Можно тачать сапоги и быть счастливым — творчески. Творчество — это деятельность человека, в которой проявляется его творческий потенциал. Сапожник, портной, инженер может быть абсолютным художником. Вообще любая деятельность человека, если она не разрушительная, — творческая. Она способна приносить счастье.

— За пределами профессиональной деятельности вы бываете счастливы?

— (После раздумья) Да. Когда чувствую, что я не болен. Это очень важно. Здоровье важнее, чем все остальное на свете.

— Чем творчество, чем любовь?

— Конечно. Когда здоровья нет, нет творчества, нет любви. Нет ощущения полноты жизни. А полнота жизни — это энергия.

— Здоровы ли вы, я спрашивать не буду.

— Стараюсь быть здоровым.

— По-прежнему безоглядно влюбляетесь?

— По-прежнему занимаюсь гимнастикой. И бегаю. Вы понимаете, простые как бы вещи: вот вы разговариваете с человеком и спрашиваете: как себя чувствуешь? — Ничего. Не понимаю, что «ничего» — это великое счастье. Как только у него что-то заболит — геморрой, зубы: «Как дела?» — «Ух, ты знаешь, зуб болит!». Уже все остальное не важно! Особенно, когда сильно болит. (Полушепотом) Это естественное!

— Вопрос к здоровому человеку. Дозволено ли художнику больше, чем другим? Могли бы вы, к примеру, переступить через заповеди?

— Мы все время переступаем через заповеди. Хотя иногда стараемся этого не заметить. Поэтому есть одиннадцатая заповедь такая... крамольная: не попадайся!

— Вам знакомо чувство зависти?

— Безусловно. Я завидую очень многим. Вот Спилбергу, потому что у него много денег.

— Завидовали ли, скажем, Тарковскому, с которым начинали?

— Завидовал.

— А брату Никите?

— И брату завидовал. Потому что его картины большим успехом пользовались, чем мои.

— И этот успех, на ваш взгляд, был обоснован?

— Обоснован. Успех, заслуженный или нет, он успех. Конечно, когда успех заслуженный, то завидуешь меньше.

— Что для вас деньги?

— Возможность делать добро. Помимо прочего. Все-таки деньги дают возможность быть добрым — помогать людям. Конечно, на частном уровне. Ну и осуществление каких-то своих иллюзий...

— Вы много любили, соответственно много раз женились. Нет ли у вас комплекса вины перед оставленными семьями?

— Есть. Но поскольку женщины, с которыми я проводил часть своей жизни, говорят обо мне хорошо, значит, я у них не отнимал — я больше давал.

— Сейчас вы не женаты?

— Не женат, но я даю.

— Чего вы боитесь в этой жизни?

— (Быстро и резко) Смерти. (Пауза). Неизвестности. Голода. Холода. Все люди боятся этого. Или вы думаете, что вы не боитесь?

— Боюсь.

— Страх — двигатель человека, он заставляет его крутиться.

— Вопрос, вытекающий из предыдущего: вы верите в бога?

— Да в общем — подумав: да. Вы знаете, Чехов сказал: между утверждением «бог есть» и утверждением «бога нет» — огромное поле мучительной духовной работы. Мы всю жизнь мучаемся, чтобы понять: есть или нет? Я до сих пор мучаюсь.

— Колеблетесь?

— Да. Колеблющийся человек...

Андрей Михалков-Кончаловский:
Патриотизм начинается
с возможности
покинуть родину**«Летучий голландец» отечественного кинематографа приехал в Москву из Соединенных Штатов — на этот раз после почти двухмесячной отлучки. Андрей (Андрон) Михалков-Кончаловский — харизматическая личность, дворянин, знаменитость, балованное дитя нашей культуры — по ту сторону порога апартаментов на Малой Грузинской. По эту — кризис, несущаяся, беда. Первый вопрос естествен.**

тому живу здесь и там. Если бы я мог зарабатывать здесь, чтобы обеспечивать бесконечных детей, которых я натворил, то, конечно, работал бы здесь. Теперь, слава богу, можно свободно путешествовать, что я и делаю. Патриотизм начинается с возможности свободно покинуть родину.

— Ну вы-то в первый раз уехали давно. Если не ошибаюсь, лет двадцать назад?

— Я поэтому и уехал, что не мог свободно покинуть страну.

— Желание «покинуть» не уменьшилось с появившейся свободой?

— Совсем покинуть невозможно — это все равно, что мать бросить. Ты к ней привязан пуповиной. Вообще отсюда уезжать надолго нельзя, потому что здесь сейчас творится История!

— Честно говоря, вы производите впечатление человека «над схваткой». Или я заблуждаюсь?

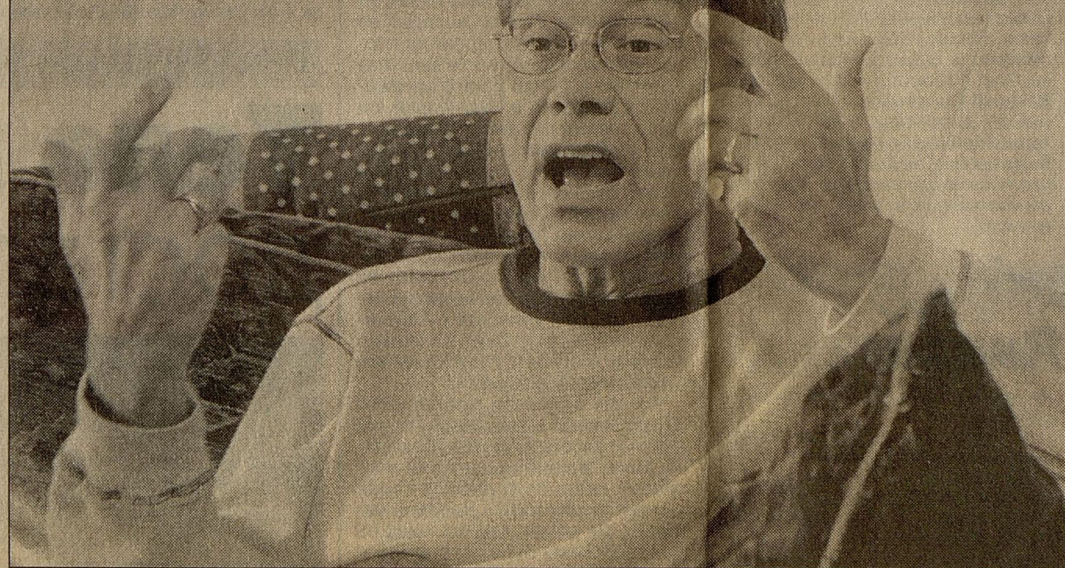
— Я не борюсь за утверждение своих собственных идей и идеалов и не даю советов, как строить государство. Потому что это бессмысленно. Все равно будут силы, которые будут выгибать так... как оно идет сейчас. Пока в России не сформируется серьезная силовая структура, до тех пор ничего дельного не будет происходить.

— Признаться, ошарашивающее заявление из уст интеллигента, интеллектуала!

— Я не интеллигент. Интеллигент всегда в оппозиции к правительству. Я — не в оппозиции.

— Вы вообще относите себя к трогательной формации «наша интеллигенция»? Или вы больше сам по себе?

— Я к интеллигенции отношусь с большой осторожностью. Роль интеллигенции в России никогда не была конструктивной, она всегда была разрушительной. Я отношусь к интеллигенции так, как к ней относились Чехов. Говорил: презираю русскую интеллигенцию, даже тогда, когда она жалует. Ведь ее притеснили выходят из ее же рядов. Это печальные слова, но это так. Ведь, посмотрите, интеллигенции же ни в одной

Знаменитый режиссер полагает, что без «сильной руки» нам не обойтись

«Курочке Рябе»: «Я что, не народ? Я богатый только, но я тоже народ!».

— У нас жизнь — копейка

— Итак, вы за «сильную руку»?

— Без этого не обойтись. Все же только и ждут эту самую сильную руку. Только правильную руку. Как все были за Горбачева! Стал плохой. А за Ельцина! Теперь и Ельцин плохой. «Курочку Рябу» смотрите. Ждете, когда колбаса копченая с неба посыпется? Не посыпется! Я что хочу сказать? От правительства нельзя ждать слишком многого. Ведь правительство не создано, чтобы заботиться о народе. Ни в одной стране. Правительство заботит только одно: как отнять деньги! Государство существует только для того, чтобы лимитировать человеческую жадность. Все! Для этого — принуждение: полиция, тюрьма, налоговая инспекция. Правильно? Люди, соответственно, боятся. Везде — во Франции, в Америке. В Америке самая могущественная организация — сбор налогов. Там могут отнять все, что у тебя есть. Вот что такое государство. Но в других странах народ заставляет правительство о себе заботиться. Выходит на улицу, переизбирает, контролирует правительство, чтобы оно о нем думало. У нас замечательное правительство: его никто не контролирует, а оно еще как-то заботится! А народ ждет, когда ему чего скажут... У нас отношения между народом и правительством такие, как были в девятнадцатом веке — в России. А в Европе — в шестнадцатом!

— И опять же изменить ничего нельзя?

— Я не пытался. Ленин пытался.

Всегда грозит катастрофой. Ленин сказал: мы создадим условия, и народ станет свободнее, разовьет свой творческий потенциал. Кончилось все Сталиным. Этот народ создаст культ. Ему нужен культ! Нужен авторитет. Он пытался создать культ из Ельцина. Холуев же полно вокруг! Думаем: вот новое правительство, оно справится. Такие же будут люди — русские люди. Которые будут ставить личную выгоду выше государственной, а личные отношения выше закона.

— Впечатление, что интеллектуалы вроде Гайдара или Явлинского отторгаются нашим коллективным менталитетом — как наверху, так и в народе («прослойка» не в счет). Независимо от их деловых качеств, а исключительно за «морду лица». Как по-вашему, могут люди указанного типа, дай им все-рез вожжи в руки, вытащить страну из болота? Или у нас особая статья и умники нам не нужны? Есть у них шанс?

— Нет. Они ленинцы. Потому что рассматривают только экономику и науку. Они научники! Они не принимают во внимание человеческий фактор. Человеческий фактор выгибает любую науку в своем направлении. Возьмите марксизм. Есть русский марксизм, есть английский, есть камбоджийский... В Англии марксисты собираются, беседуют, курят трубки, организованно выходят на митинги. А в Камбодже отрубили шесть миллионов голов! Идеи те же — культуры разные. Разница в оценке человеческой жизни. У нас эта цена ближе к цене жизни в Китае или в Индии, чем в Швеции или Израиле. Человеческая жизнь в России — копейка. Я

вспять, то вечная мерзлота дошла бы до Омска?! Человека, как и природу, не переделаешь, его можно только попытаться понять. И в соответствии с этим пониманием создать ему условия. А функционирует человек в каждой стране по-разному — в зависимости от того, как он относится к смерти. И к богу. Вот сколько пытались искоренить религиозные предрассудки! А русский человек, помимо того, что он религиозен, он еще язычник! Язычники мы все! Черная кошка... сплунь через левое плечо... в понедельник не это... в пятницу не ходи... А в Индии свои примочки. Поэтому мы должны просто жить, а не «менять». Изменить можно только на время. Кровью. Гулагами...

— Еще раз о ментальности. У наших служивых людей колоссальную роль играют личные отношения, симпатии и антипатии. «Хороший» ты парень или «так себе». Способность делать дело как бы уже малосущественна. А как с этим у них, на той же «фабрике грез», где вы работали?

— Человек в любом случае построен по-человечески, дружба очень важна. Дело не в Голливуде, дело в том, что демократия и свободное общество строятся на уважении к закону. А не на любви к ближнему. А у нас любовь к ближнему настолько сильна, что любой закон подомнет. Это, кстати, и есть основа коррупции. Личные связи играют роль везде, но не обязательно закон нарушать.

— Готовы ли вы покинуть Россию, если в стране станет невозможно?

— Конечно. У меня не знаю какая, но своя судьба.

Сергей ДЖЕВБАХШИВИЛИ